

ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ

ВЫБРАВШИЙ СУРОВОЕ ОТЕЧЕСТВО...

* * *

Не смотри на пляску бесов скорбно
и пощады Божьей не проси.
Говорят пророки:
очень скоро
солнце засияет на Руси.

Грязь просушит в либеральных лужах,
меняет антураж в Кремле.
Так что ты особенно не слушай
всех, кто обещает крах земле.

Но не ожидай и райских кущей —
не растёт такой в России лес.
И особо присмотришь к бегущим
всюду возглавлять любой прогресс.

КЛЮЧНИКОВ Юрий Михайлович родился в 1930 году в г. Лебедине Сумской области. Окончил филологический факультет Томского университета. Работал учителем русского языка и литературы, завучем и директором средней школы. В Новосибирске работал радиокорреспондентом, главным редактором радиокomiteта, Западно-Сибирской студии кинохроники, Сибирского отделения издательства "Наука". С середины 80-х годов начал печататься в местных и столичных журналах и издательствах. Живет в Новосибирске.

ПОМНИ

В трудах и снах, в заботах и в бою,
и братину заздравную наполнив,
не забывай голубушку свою,
единственную, сужденную
помни.

Люби её святыне образа,
дурных семян не сей в родное поле.
Гляди почаще в горние глаза
и серые, земные
тоже помни.

Глаза те затуманены слезой.
Заволокло их дымом преисподним.
Но ты печальных песен ей не пой,
о радости возлюбленной
напомни.

Она, конечно, в мире не одна,
кто перенёс чуму, чертей и бойни.
Но эту чашу выпей с ней до дна,
с твоей Россией,
век об этом помни.

* * *

Нам их кафтан и неуклюж, и тесен;
Их раздражает наш простор и вес..
Они не понимают наших песен,
А мы — их либеральный политес.

Нам скучен гвалт о пользе инвестиций,
жар биржи не живёт у нас в крови.
Душа жива погоней за жар-птицей,
тоской по правде, братству и любви.

Мы выжили в аду мечтой о рае.
Всё это тоже не понять умом,
как родина моя не умирает,
как мы до сей поры в ней не умрём.

Да, не умрём, доколе в русском поле
родная песня излучает грусть
и русская учительница в школе
нам Пушкина читает наизусть.

МЕЧТА

От Магадана и до Выборга
льют либеральные дожди.
Россия наша словно вымерла,
уснули люди и вожди.

Ни солнца в небе, ни проталины,
лишь светится телеэкрэн,

винит народ страну и Сталина:
мол, мы больны, и он — тиран...

Пуškai же в бедах наших каются
виновники больной страны,
пусть в лае на неё кидаются
все в мире слуги сатаны.

Пуškai... Ни под какими видами
им не затмить Руси мечту:
при всех вождях, при всяких идолах
служить бессмертному Христу.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У КРЕМЛЁВСКОЙ СТЕНЫ

*Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
А. С. Пушкин*

Словно серб в тоске по Полю Косову
Или русский — по Бородину,
Прихожу к покойному Иосифу,
Щурюсь на Кремлёвскую стену.

Нынче все, кому не лень, играют
Нашими гробами и костями.
Прихожу не жаловаться — каяться
За насмешки новорусских СМИ,

За непротивление злобным карканьям,
За слепцов, поверивших в молву,
И за нас, что позволяют карликам
Впитаться в гриву дремлющему льву.

Мы чертей достаточно потешили.
Не пора ли спины разогнуть.
Сколько можно хороводам нежити
Застить солнце и победный путь.

Пусть по белу свету кто-то мечется,
Кланяясь чужому калачу,
Выбравший суровое Отечество,
Выбирать иное не хочу.

И когда со всех сторон оскалены
Волчьи пасти на мою страну,
Молча новоявленному Сталину
Поклонюсь,
        поверю,
                        присягну.

ГРУСТЬ

Отчего тебе, друг мой, взгрустнулось?
То ли вспомнилось что-то во мгле,
то ль души возрастная сутулость
пригибать начинает к земле?

Мы судьбу беспримерную прожили,
шли по лезвию злого ножа.
Но винить нас за злое безбожие
может только ничтожный ханжа.

Пусть не пели акафистов Библии —
знали их первородную страсть.
И когда за Отечество гибли,
то затем, чтоб ему не пропасть.

Так что нам, мой товарищ, не надо
перетряхивать пепел в груди —
головешки горячие ада
остывают у нас позади.

Впереди же — рассветные зори,
звёзды в небе и в сердце звезда.
И насыпать на раны нам соли
не сумеет никто никогда.

СОЛДАТ ИМПЕРИИ

А. Проханову

Он возвратился в серую тоску
из буйных стран, от пламенных намазов
в торгово-либеральную Москву —
надевший тело

Дмитрий Карамазов.

Но это имя — только часть его,
другая часть — евангельский Алёша,
и Муромца лихое естество...
И мало ль на кого ещё похож он.

На переплёт библейский, например,
на писанные золотом страницы,
на саблю, на армейский бэтээр,
родные охраняющий границы.

Ему не в масть предел любой тропы,
не по душе дышать вчерашней пылью.
Несносны и упёртые попы,
обиженные насмерть красной былью.

На дележе щедрот он не у дел,
крест не сдаёт ни толпам, ни иудам.
Он свято верит в Божий Беспредел,
который называет русским чудом.

Всё сказанное — тоже только грань,
словесный срез, которому не больно.
Он страсти кровотокающий экран,
Он — человек. Заглавной Че — довольно.

Весь в думах, чьим узлом, каким мостом
соединить навеки и сосватать
открытый всем ветрам родной простор
и нашу еретическую святость.

ВООБРАЖАЕМАЯ РЕЧЬ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

На дворе давно уже не осень —
вьюги да метели на дворе.
Ну, а мы всё речи произносим,
как нам жить в грядущем январе.

Говорим о высших идеалах,
также про особый русский путь,
не забыв при этом одеяло
на себя потуже натянуть.

Щели на Покрове, всюду щели,
рвётся одеяло в лоскуты
от когтей бессмертного Кощея,
от безвластной нашей суеты.

Скоро нас земля совсем разденет
и обрежет лоскуты ножом.
Как же мы спасёмся в царстве денег
на его морозах
нагишом?

Неужели скроемся по норам?
Кто нам эти норы будет рыть?
Как нам обуздать звериный норов,
сохранить души живую нить?

Снова те же вечные вопросы,
грозовые дальние огни
и уже спустившиеся грозы.
А в ответ — потоки болтовни.

И не надо нам потоков крови —
сами захлебнёмся в лужах слов.
если нас Господь не остановит,
как в былом матрос Железняков.

* * *

Станиславу Куняеву

Мой ратный друг!
С тобой мы в жизни виделись
Едва ли раза три за все бои.
Твои доспехи на поверхность выбились
И засверкали раньше, чем мои.
Но бьёмся ведь не ради обозрения —
Мы поднимаем вновь и вновь клинок,
Чтоб отчий край, берёзово-сиреневый,
Под русским солнцем продолжаться мог...